

Главная задача социалистического реализма — возбуждение революционного миропонимания

Из писем А. М. ГОРЬКОГО

Ниже мы публикуем некоторые из малоизвестных или не печатавшихся до последнего времени писем А. М. Горького, посвященных задачам развития советской литературы. Ряд принципиальных вопросов, поставленных в указанных письмах перед литераторами более двадцати лет назад, имеет и ныне актуальное значение, особенно в связи с подготовкой к съезду писателей. Весьма поучительна, например, оценка натурализма, как неверного приема изображения действительности, приема, неприложимого к нашей действительности, искажающего ее. Огромный интерес представляют определение Горьким главной задачи социалистического реализма, указание на необходимость глубже и ярче показывать замечательных людей нашего време-

ни—строителей новой жизни, бороться против старого, отжившего, постановка жизненно важных проблем развития советской литературы, призванной активно участвовать в гигантской созидательной деятельности нашего народа, в коммунистическом воспитании трудящихся.

В этих письмах великолепно выражена глубокая вера А. М. Горького в могучую силу героического советского народа, руководимого Коммунистической партией. «Ясное сознание великой цели своего класса,—пишет А. М. Горький,—крепкое товарищество по партии, дружба по работе и в обыденной жизни, уважение друг к другу—все это вместе—необоримая, чудодейственная сила!».

Н. Н. НАКОРЯКОВУ

16 августа 1932, Москва.

Дорогой т. Накоряков,

прочитал письмо Ларского и — вот несколько соображений в дополнение моей оценки его рукописи.

У меня она оставила такое впечатление, что автор, желая обличить обывателя, незаметно для себя защищает его «право на жизнь», — право, основы коего антисоциальны и контрреволюционны, ибо это — право гадить. Возможно и допустимо, что «от ума» — по теории — автор действует искренно, а эмоционально он обывателя не только жалеет, но и оправдывает, — оправдывает на том основании, на коем можно оправдать поведение хоряка и барсука. Проще говоря, я не вижу, не чувствую в повести ясного и определенного отношения автора к герою. Наш читатель нуждается именно в художественной ясности, гармонически соединенной с теоретической правдой века.

Новое руководство Госиздата должно, — как мне кажется, — очень зорко следить за

хитростями работников слова, часто опьяняемых словом. Вот и все.

Мой сердечный привет.

16.VIII.32.

Накоряков Николай Никандрович (р. 1881) во время переписки с М. Горьким — директор Государственного издательства художественной литературы.

В. С. ГРОССМАНУ

7 октября 1932, Москва.

Рассказ «Три смерти» — работа несерьезная, поверхностная. Мне кажется, что эмоциональное отношение к теме «смерть» отлжно выражено в русской литературе — Л. Толстой «Три смерти», «Смерть Ивана Ильича», Чехов, Л. Андреев и др. — и что, если эта тема — не говоря о ее своевременности — все еще достойна внимания, над нею следует работать под иным углом зрения. Смерть — явление биологическое, и писать о ней, не зная биоло-

гии, — дело едва ли полезное. Писать же только для того, чтоб «человек задумался о неизбежном» — дело празднословное и церковное, т. е. явно вредное.

«Глюкауф» — очень хороший материал для повести, но он плохо «смонтирован», густо засеян лишними словами, испорчен дидактикой автора, который — часто — там, где следует изображать, включать мысль в образ, — тяжело и сухо рассказывает, поучает читателя. Изобразительная способность автора кажется мне вообще не очень сильной, не развитой. Повесть его местами принимает форму газетного очерка.

Лично я не вижу в повести тенденций контрреволюционных, но критика имеет основания усмотреть тенденции эти «в натурализме» автора. Я не могу назвать натурализм, как прием изображения действительности, приемом «контрреволюционным», но уверенно считаю прием этот неверным, к нашей действительности неприложимым, искажающим ее. Автор говорит: «Я писал правду». Ему следовало бы поставить перед собою два вопроса: один — которую? другой — зачем? Известно, что существует две правды и что в мире нашем

А. ПЕШКОВ.

количественно преобладает подлая и грязная правда прошлого, а — на смерть ей — родилась и растет другая правда. Вне столкновения, вне борьбы этих прав нельзя понять ничего, это — тоже известно. Автор неплохо видит правду прошлого, но не очень ясно понимает, что же ему делать с нею? Автор правдиво и со вкусом изобразил тупоумие шахтеров, пьянство, драки и вообще все то, что — должно быть — преобладает в его — автора — поле зрения. Конечно, это — правда, очень скверная, даже мучительная правда, с нею необходимо бороться, ее нужно без пощады истреблять. Ставит ли автор перед собою эту цель?

Возможно, что он эту цель ставит, но натурализм как прием не есть прием борьбы с действительностью, подлежащей уничтожению. Натурализм технически отмечает — «фиксирует» — факты; натурализм — ремесло фотографов, а фотограф может воспроизвести, напр., лицо человека только с одной, скажем, печальной улыбкой, для того же, чтоб дать это лицо с улыбкой насмешливой или радостной, он должен сделать еще и еще снимок. Все они будут более или менее «правда», но «правда» только для той минуты, когда человек жил печалью, или гневом, или радостью. Но правду о человеке во всей ее сложности фотограф и натуралист изображать — бессильны.

В повести «Глюкауф» материал владеет автором, а не автор материалом. Автор рассматривает факты, стоя на одной плоскости с ними; конечно, это тоже «позиция», но и материал и автор выиграла бы, если б автор поставил пред собою вопрос: зачем он пишет? Какую правду утверждает? Торжества какой правды хочет?

Человек он — способный, и решить вопросы эти ему следует.

М. ГОРЬКИЙ.

7.X.32, Москва

«Три смерти» — рассказ В. С. Гроссмана, оставшийся неопубликованным.

И. А. РЫБАКОВОЙ

30 января 1935, Москва.

Ирина Рыбаковой.

Товарищ Рыбакова —

группа товарищей с «Красной Розы» прислала мне Вашу книжку, — я очень благодарю их за это! Книжка Ваша понравилась мне, — простой, хороший рассказ о том, как быстро и славно растут высокоценные люди в стране, где властвует и хозяйствует пролетариат, где пред каждым честным рабочим широко открыты пути к знанию, славе, почету. Вот так просто, правдиво и надо пролетариям писать о своей жизни до Октября, — писать так, как будто рассказываешь о себе своим детям и дорогим, сердечным друзьям своим. Ясное сознание великой цели своего класса, крепкое товарищество по партии, дружба по работе и в обыденной жизни, уважение друг к другу — все это вместе — необоримая, чудодейственная сила! Этой силой мы организуем друзей во всем мире и раздавим врагов.

Книжка напомнила мне один из счастливейших дней моей жизни. Тогда, в 28 г., я приехал в Союз после шестилетней жизни за границей, где наблюдал, как линяют павлиньи перья буржуазной культуры, как загнивает мелкая и крупная буржуазия, растрепанная войной. Видел ученых профессоров, которые служили кондукторами трамваев; интеллигентов, которые, стоя на улицах, молча протягивали руки за милостыней, видел, как в Германии голодали рабочие, как много малолетних дочерей пролетариата стали проститутками, и видел тысячи «детей военного времени» — золотушных, параличных, рахитиков, полусленных, нервных больных. Когда своими глазами видишь все это, — так особенно ясной становится преступность и недопустимость власти буржуазии над рабочим классом.

О том, что делается у нас, в Союзе, я, конечно, знал по газетам, по рассказам товарищей, приезжавших из Союза. Но вот возвратился в Москву, увидел, что сделано

за 6 лет пролетариатом-диктатором в бывшей царской России. Это, разумеется, глубоко возмущало меня, загло в сердце неугазную радость и гордость силою, талантливостью людей родины. И когда в Большом театре мы с Вами целовались, я, т. Ирина, целовал не только Вас, а тысячи героинь труда. Потом я съездил на Днепропетровск, в сальский колхоз «Гигант», в Тифлис, Эривань, Баку, в Сталинград, Казань, Нижний, заглянул почти всюду, где бывал раньше, и даже в Мурманск, в Соловки, где никогда не был, посмотрел на гигантскую работу пролетариата Союза Советов, мудро руководимого партией его, и вот с той поры счастливо живу той энергией, которая непрерывно, изо дня в день обогащает Союз Социалистических республик и учит пролетариат всех стран, что надобно делать, как надо перестраивать жизнь.

Сердечный привет Вам, т. Рыбакова, и товарищам Вашим — работницам и рабочим «Красной Розы».

Крепко жму Вашу руку.

М. ГОРЬКИЙ.

30.I.35.

Рыбакова Ирина Александровна (р. 1887) — работница комбината «Красная Роза», Москва.

А. С. ЩЕРБАКОВУ

19 февраля 1935, Москва

Тов. А. Щербакову.

Мне кажется, что определение состояния критики и ее задач дано в формах слепком «общих», хорошо знакомых литераторам и критикам и потому едва ли способных возбудить живой, актуальный интерес, вызвать плодотворную дискуссию по вопросу о социалистическом реализме как методе и технике литературного творчества, как об эстетике и этике советского искусства.

О соцреализме написано и пишется много, но единого и ясного мнения — не существует, чем и объясняется тот печальный факт, что на Съезде писателей крити-

(Окончание на 4 стр.)

Главная задача социалистического реализма — возбуждение революционного миропонимания

(Окончание. Начало на 3 стр.)

ка не заявила о том, что она существует. А нам необходима твердо установленная «рабочая истина», настолько широкая, чтоб она могла охватить и осветить смыслы всех процессов в нашей стране и все акты сопротивления творчеству пролетариата-диктатора. Само собою разумеется, что в пределах этой «рабочей истины» неизбежны и допустимы разногласия, — отсюда следует необходимость особенно точно, твердо установить пределы неизбежного и допустимого. Думаю, что исходной точкой социалистического реализма надобно взять Энгельсово утверждение: жизнь есть сплошное и непрерывное движение, изменение. В природе механически работают энергии физики и химии, в человеческом обществе — трения, столкновения классовых сил и трудодействия, направленные на создание и расширение материальной — буржуазной, классово своекорыстной — культуры. Факты истории устанавливают, что интеллект играл в буржуазном обществе роль «катализатора», который — более или менее успешно — стремился связать, соединить, т. е. примирить, а в области социальной примирение есть подчинение силы силе. Индивидуалистам нужно указать, что интеллект в условиях капиталистических меньше всего заботится о быстроте своего роста, а ищет только устойчивого равновесия.

Реализм буржуазной литературы — критичен, но лишь настолько, насколько критика необходима для классовой «стратегии», — для освещения ошибок буржуазии в борьбе за устойчивость власти. Социалистический реализм направлен на борьбу с пережитками «старого мира», с его творческим влиянием, — на искоренение этих влияний. Но главная его задача сводится к возбуждению социалистического, револю-

ционного миропонимания, мироощущения.

Мне кажется, что мысли этого порядка могли бы вызвать в среде литераторов и критиков возражения, раздражения и создать полезную дискуссию. У нас литераторы меньше всего думают и говорят именно о целях и задачах литературы — следует попытаться возбудить более живой и глубокий интерес к делу, которым они занимаются.

Вообще следовало бы возможно чаще и настойчивее указывать писателям на следующее: предвидения научного социализма все более широко и глубоко реализуются деятельностью партии, организующая сила этих предвидений — в их научности. Социалистический мир строится, буржуазный разрушается именно так, как это предугазано марксистской мыслью.

Отсюда вполне законно следует вывод: образное мышление художника, опираясь на широкое знание действительности и дополненное интуитивным стремлением придавать материалу наиболее совершенную форму — дополнять данное возможным и желаемым, — тоже способно «предвидеть», т. е. иными словами — искусство социалистического реализма имеет право преувеличивать — «домысливать». Интуитивное нельзя понимать как нечто предшествующее знанию, «пророческое», оно доверяет опыт в тех случаях, когда опыту, организуемому как гипотеза или как образ, — не хватает каких-то звеньев, частей. Надо бы ознакомить литераторов с революционными гипотезами науки, гипотезами Сперанского, которые уже подтверждаются экспериментально и служат «рабочими истинами»... Было бы весьма полезно, если бы Вы побеседовали по этому поводу со Львом Николаевичем Федоро-

вым, директором ВИЭМ, да кстати попросили его сделать доклад о задачах ВИЭМ — о необходимости комплексного изучения человека.

Обращаю внимание Ваше на тот факт, что до сей поры еще ничего не сделано по вопросу о памятнике Морозову и о всесоюзном театре.

Доклад Афиногенова мне кажется неслучайным по его посылкам и лишенным уловимых выводов. Сомневаюсь в том, что мы уже имеем право говорить о «победах», да еще «блестящих», соцреализма раньше, чем он — как метод — выявил себя со всей необходимой ясностью. Защищая актеров от своеволия режиссуры, следовало бы указать, что своеволие это отражается и на авторах пьес, в тех — нередких — случаях, когда авторы дают театру действительно «сырой материал», а не до конца и детально разработанную пьесу. Афиногенов очень верно отметил, что у нас — в театре и в кино — есть режиссеры более грамотные, чем драматурги и «сценаристы». На этом следовало бы остановиться. Доклад Афиногенова, вероятно, вызовет обширную, но мелочную — «кухонную» — полемику.

Шагинян требует от критики «руководства». Это едва ли правильно, требовать следовало бы совместной дружеской работы. Романисты, новеллисты, драматурги тоже ведь руководят критикой, предлагая ей типический, в образах обработанный материал для создания публицистических — т. е. идеологических — выводов, для построения социальной этики и эстетики. Требование написать историю литературы — понятно, но «отдельные монографии о каждом писателе» — это ничего не принесет, кроме вреда писателям.

Весьма ценно указание Шагинян на необходимость критических оценок русской литературы сравнительно с литературами братских республик.

М. ГОРЬКИЙ.